

О чём молчит “Бронзовый солдат”?

Утром 27 апреля после столкновений в Таллине Эстония проснулась другой. Всем стало очевидно, что разговоры о межнациональной интеграции в стране годами служили лишь пропагандистским целям. Эстонские политики-этнократы из года в год вели дело в одном направлении – повышение уровня собственного благосостояния через унижение русского и русскоговорящего населения путем вытеснения его на более низкие социальные ступени. Вспоминается, как в 1996 году один очень известный и влиятельный эстонский политик на мой вопрос, когда же будет обеспечено для русской части народа Эстонии равноправие в гражданско-правовом смысле, ответил, смеясь, что, мол, когда всё нажитое Эстонией “поделим между собой, без русских”. Мол, “пирог” и без того небольшой. Вот так, откровенно и цинично.

Среди правящей верхушки и в управляемых ею эстонских СМИ, включая изрядную часть русскоязычных, русофобия стала нормой поведения и образа мысли. Доходит до абсурда. К примеру, когда на Эстонию надвигается непогода, эстонские синоптики оперируют сторонами света. Кроме одного случая: когда ненастье приходит с востока, говорят, что оно идёт... из России. А вот хорошая погода – именно “с востока”.

Словом, о России и русских либо ничего, либо плохо. Такая повседневная и нескончаемая “промывка мозгов” населения и тотальная обработка молодежи, с самых её молодых ногтей, продолжается с конца 80-х – начала 1990-х годов до наших дней.

Стремление обеспечить себе более выгодные условия существования по сравнению с “чужаками” родилось вовсе не как реакция на мнимые угрозы национальной культуре, языку или выживаемости нации как таковой. (Я готов полемизировать с любым оппонентом, утверждая, что эстонская культура и язык достигли истинного расцвета именно в советский период и что никакой “оккупации Эстонии”, в международно-правовом смысле, не было и в помине. Оккупация имеет совершенно определенные признаки и характеристики, о чем знает любой профессионально подготовленный правовед. Речь, следуя правилам юридической корректности, может идти об инкорпорации прибалтийских республик в СССР.) В действительности мы имеем дело с куда более серьезными и протяженными во времени процессами – маргинализацией в силу нарастающего влияния последствий глобализма.

Маргинализация затронула не только большую часть русскоговорящего населения (отрыв от родной почвы, рождение новых поколений на “чужой” земле и длительный процесс укоренения). Иным образом, но маргинализация затронула также эстонцев. За ничтожные с исторической точки зрения 60 последних лет эстонцы из преимущественно сельской нации превратились, в результате интенсивной индустриализации, в нацию городскую. На уровне подсознания эстонцы испытывают страх перед грядущим, ибо они оказались вырванными из своего привычного крестьянского уклада жизни, в котором формировались как этнос и гармонично бытовали вплоть до середины XX века.

Страх – основа агрессивности. Для выхода этих настроений необходимы удобный объект и причина “всех бед”. Как правило, именно “чужие” наиболее подходят на роль “виноватых”. В нашем случае “виноватыми” представлялись, с неизбежностью, русские и вообще русскоязычные или “инородцы”.

Однако в конечном итоге конфликт по поводу памятника Освободителям Таллина стал очевидным симптомом раскола общества не только по этноязыковому признаку, но и по социальному, то есть внутри самой эстонской среды. Ведь большинство жителей Эстонии было против его сноса (в Таллине – 57%), хотя было немало и сторонников. Тартуские университетские социологи еще в середине 2006 года пришли к выводу, что проблема раскола проявляется не только в диаметрально противоположных оценках прошлого и, конкретно, смыслового значения “Бронзового солдата”, но, что куда более тревожно, эти оценки имеют отношение к видению будущего народа и страны, перспектив и путей дальнейшего развития эстонского общества. Этот последний фактор имеет системное значение с точки зрения перспектив выживаемости эстонской нации как таковой, в новых условиях, складывающихся в мире.

Ломка национального архетипа не проходит бесследно. В последние годы Эстония по самоубийствам заняла третье место в Европе. В целом “лидируют” все три прибалтийские республики. Согласно последним данным статистического бюро Eurostat, Литва является абсолютным лидером в Европе по количеству суицидов среди мужчин (71 самоубийство на 100 000). На втором месте находится Латвия (45 на 100 000). На третьем – Эстония (44 на 100 000).

Как это ни странно, но уничтожение или “перенос” памятника Освободителям Таллина (“Бронзовый солдат”) оказался очередной акцией самоуничтожения именно для эстонской нации. Ведь “Бронзовый солдат” – типичный эстонец, классический эстонский архетип. Памятник был создан самими эстонцами (скульптор Энн Роос, архитектор Артур Алас). И символизирует он не что иное, как скорбь простого эстонского парня по погибшим друзьям, пришедшим на его землю помочь освободить его же родину от нацизма, предвещавшего эстонцам отнюдь не радужное будущее, а уничтожение как нации. В определенном смысле, символическое устранение памятника и места захоронения погибших солдат – это акт символического самоубийства нации.

В известной мере, с подсознательным стремлением общества к самоубийству, как выражением страха и протеста перед неизвестностью будущего, связаны также нынешние трактовки прошлого – восхваление и почитание нацистов как “освободителей Эстонии”, то есть как раз тех сил, которые откровенно планировали переселение (депортацию) 2/3 эстонского народа, “представителей неарийской расы”. Немецкие нацистские идеологи прямо говорили о том, что эстонцы как народ должны исчезнуть. Печальнее всего то, что трактовка роли эстонцев, воевавших в мундирах СС на стороне нацистских оккупантов в качестве “борцов за свободу”, официально принята политической и идеологической верхушкой как концепция государства, что само по себе носит тотально ущербный характер, ибо провозглашает уничтожителей “освободителями”. Строить государство и общество на доктринах “против” вместо “за” – контрпродуктивное занятие. Нельзя построить гармоничное общество на ненависти и разрушительном начале.

Официальным Таллином провозглашается, что Красная Армия, в том числе ее эстонские национальные части, “окупировала” Эстонию, а не освободила. Напротив, добровольцы и мобилизованные в подразделения Ваффен-СС эстонцы объявляются “борцами за свободу”. Это утверждение преподносится как объединительное начало для всей эстонской нации. Однако со всей очевидностью обнаруживается, что именно такая декларация не объединяет нацию, а, напротив, раскалывает, разрушает.

Пора признать исторический факт: в рамках Второй мировой войны в прибалтийских республиках произошла гражданская война. Как известно, социально активная часть общества составляет примерно 12–15% от всей численности населения. В военное противоборство в Эстонии было вовлечено примерно 120–150 тысяч человек, что соответствует этим процентам. Причем на стороне советской власти и нацистского оккупационного режи-

ма сражалось примерно равное число эстонцев (по 5–7% населения на каждой стороне). Именно это дает нам право утверждать, что произошла гражданская война.

Очевидно, что с приходом советской власти в Эстонию 1940 года кардинально изменился социально-экономический строй, что больно задело интересы правящей части общества и дало преимущества другой части. Естественно, что правящая часть не могла примириться с таким положением дел, но выступить против советской военной машины самостоятельно она была не в состоянии. Только с установлением нацистской оккупации появилась возможность свести счеты. В Эстонии, Латвии и Литве произошли классические гражданские войны, что, в конечном итоге, стало выражением неразрешимости конфликтного состояния тогдашнего общества. Однако после завершения таких войн рано или поздно наступает период национального примирения, если народ и общество не поражены апокалипсичным сознанием. Именно на пути к единству оказалась послевоенная Испания, когда генералиссимус Франко сумел примирить нацию. (Был построен храм с алтарем в центре, где по обеим сторонам похоронены республиканцы и франкисты; приходящие в храм люди поминают жертвы с обеих сторон.)

Вместо того чтобы признать факт гражданской войны в Эстонии в 1941–44 годах и декларировать стремление к общенациональному примирению, властная корпоративная верхушка поступает с точностью до наоборот. Раскол общества становится ещё более глубоким и трагичным: как собственно эстонского социума – по социальным признакам, так и всего населения республики – по этническому признаку (раскол между эстонцами и русскими).

Рассматривая многодневные беспорядки в Эстонии, связанные с устранением “Бронзового солдата”, следует сделать ряд обобщений. Во-первых, массовость беспорядков всегда является признаком наличия определенных назревших, но загнанных “в подполье” социальных конфликтов. Во-вторых, беспорядки имели выраженную этническую окраску (“русский бунт”), что говорит о несостоятельности национальной, межэтнической политики “верхов” Эстонии с момента провозглашения ее независимости. Рассуждения о том, что “русскоговорящая молодежь не получает от эстонского государства в достаточной мере правильной информации и живет в российском информационном пространстве”, обвинения российских СМИ в “антиэстонской пропагандистской войне” являются, конечно же, элементарным самооправданием и попыткой закрыть обществу глаза на реальное положение дел. Информация лишь отчасти влияет на формирование настроений, но не способна привести к широкомасштабному социальному недовольству, если для этого нет глубинных причин. В-третьих, хотя в беспорядках участвовала фактически только молодежь, в последующие дни свою массовую солидарность с молодыми выразило среднее поколение, когда на двадцать минут в городах блокировалось движение (водители легковых автомашин снижали скорость до 5 километров в час, включали аварийный световой и звуковой сигналы, требуя отставки правительства во главе с премьер-министром А. Ансипом). Как известно, подростки и студенты в подавляющем большинстве не владеют личным автотранспортом. Автовладельцы – достаточно благополучные представители “среднего класса”. Стало быть, молодежь просто вынесла на поверхность, со свойственной ей бескомпромиссностью и эмоциональностью, куда более глубокое и широкое социальное недовольство. По совершенно конкретным назревшим проблемам? Да, это так. Но не только по ним.

Недовольство вызревает куда более фундаментальное. Размышляя о постыдном скандале вокруг таллинского “Бронзового солдата”, на ум приходит поговорка: выпущенная в прошлое пуля может обернуться артиллерийским залпом в будущее. По большому счету, в прибалтийских странах, на территории исторического пограничья, сталкиваются две цивилизационные модели мира. Выдержит ли Эстония цивилизационное давление двух “титанов”, двух “миров”?

Опытные политологи знают, что идея “Соединенных Штатов Европы” реализовалась при резком ослаблении России. Но сегодня становится очевидным и то, что саморазрушения России не произошло, что разрушить

Россию не удалось и вряд ли удастся. Страны Западной Европы наверняка пойдут на развитие двусторонних отношений с восточным гигантом. Найдутся ли в Эстонии интеллектуальные силы и политическая воля увести её из парадигмы противостояния и привести к тому международному положению, которое в оптимальной степени будет служить её национальным интересам (хотя бы наподобие Финляндии, Швейцарии и т. п.) и органично соответствовать интересам сопредельных государств, чтобы те были кровно, неизбежно заинтересованы в независимой и стабильной Эстонии, предлагающей удобную площадку для политического диалога и торгово-экономического обмена?

Какая политическая программа нужна, чтобы Эстония стала не местом войн и конфликтов, а территорией взаимодействия цивилизаций? Чтобы выработать такую программу, необходимо внятное осмысление состояния общества. Насколько способны интеллектуалы Эстонии уяснить для себя положение дел и сформулировать для общественного сознания характеристики апокалипсичности настроений, скрытых в эстонском национальном подсознании? Хотя бы с тем, чтобы выявить пути адаптации народа и государства к новому миру. С тем, чтобы апокалипсичность самосознания стала не предтечей исчезновения самобытной эстонской нации с лица земли, а предвестником, исторически осознанным мотивом к трансформации и возрождению в новом, конструктивном качестве и со своим уникальным местом в мире.

Владимир Илляшевич
(Таллин, Эстония)

От редакции

В №7 за нынешний год в предисловии к статье Вадима Кожина «О русском самосознании: в какой стране мы живем?» была напечатана фраза, начинающаяся словами: «С разрешения вдовы поэта Е.В.Ермиловой...»

Была допущена очевидная ошибка, ибо вместо слов «поэта» должны были следовать слова: «критика, литературоведа, историка». Но эта ошибка произвольно высветила глубокий смысл, ибо Вадим Валерианович Кожин был и оставался поэтом по своей внутренней сути и в теоретических трудах, и в живой литературной критике, и в историографических сочинениях, и в жизни.